

УДК 141.78

**АЛЛЮЗИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ****И.С. ЯРОШЕВИЧ***(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

Рассматривается роль аллюзии как одного из основных средств реализации интертекстуальности в политической коммуникации. Полифункциональность и многоплановость данного феномена анализируется на материале аутентичных текстов публичных выступлений политических лидеров США. Аллюзия как вид межтекстового взаимодействия представляет собой преднамеренное использование определенного элемента предшествующего текста с целью вызова соответствующих ассоциаций, направленных на выявление связи двух контекстов, которая ведет как к обогащению содержания нового текста, так и к изменению объема значения самой аллюзии. Текст-донор присутствует как бы «за текстом». Поскольку аллюзия как средство построения интертекста представляет собой свернутую информацию, полученную из предшествующих текстов, она является одним из способов реализации скрытого смысла.

В современном мире, когда политическая власть находит наибольшее воплощение в слове, изучение дискурса политиков приобрело особую актуальность. Слово стало инструментом власти, орудием подавления и подчинения, средством захвата, распределения и удержания власти. Так как в настоящее время языковая коммуникация в политике играет ключевую роль, то укрепление своего авторитета с помощью дискурсивных средств приобретает у политиков принципиальное значение. Интертекстуальность стала свойством речей политических лидеров. Она наполняет текст дополнительными смыслами и коннотациями и, как переход на новый уровень интерпретации текстов, стала объектом пристального внимания исследователей. Изучение речи, с одной стороны, способствует раскрытию некоторых особенностей личности самого политика, с другой – выявляет динамику развития общества, общественных идеалов и их реализацию в практической деятельности людей. Цель настоящей статьи – выявить роль аллюзии как одного из основных средств реализации интертекстуальности в текстах публичных выступлений видных политических деятелей США. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить понятие политической коммуникации, выявить специфику публичной политической речи, выделить характерные особенности аллюзии и ее основные типы, раскрыть основную функциональную роль аллюзии в текстах американских публичных политических речей. Рассмотрение феномена интертекстуальности в публичном политическом дискурсе продиктовано тем, что нередко за внешней нейтральностью и декларируемой объективностью выступлений политиков скрываются оценки, имеющие заведомо направленный характер. Проведение анализа на материале публичных выступлений американских политических лидеров (президентов и кандидатов в президенты) объясняется длительной историей института президентства в США и устойчивыми традициями, связанными с его функционированием.

К определению понятия политической коммуникации П.Б. Паршин предлагает подходить как минимум с 3-х различных позиций: содержательной (семантической), функциональной (прагматической) и структурной (синтаксической или формальной). При содержательном подходе коммуникация признается политической, если политическим является содержание сообщений (прежде всего текстов), которыми обмениваются ее участники. При функциональном подходе определение коммуникации как политической обусловлено тем, что она преследует политические цели и имеет политические результаты. Наконец, структурный подход к политической коммуникации предполагает возможность указать какие-то формальные признаки, отличающие ее от других видов коммуникации. Наиболее естественные формальные признаки – жанровые (например, заведомо политическим является обмен предвыборными речами), а также специфические процедуры коммуникации в политической сфере [1, с. 189]. Наиболее универсальным П.Б. Паршин предлагает считать определение политической коммуникации на основе функционального критерия. Следовательно, политическая коммуникация – это взаимодействие, служащее целям комфортного существования в среде, состоящей из имеющих свои цели и интересы субъектов [1, с. 190].

Публичное общение предполагает непосредственный контакт оратора со слушателями, обращенность к конкретной аудитории, учет обстановки, сочетание словесных средств с несловесными, прямое (а часто и завуалированное) воздействие на аудиторию. Эти задачи оратор решает главным образом через организацию таких форм диалога со слушателями, как:

- собственно диалога;
- различного рода обращений к аудитории в начале и по ходу речи;
- обращения к авторитету слушателей;
- использования риторических вопросов и восклицаний;

- введения цитат, афоризмов, пословиц и поговорок, предполагающих «разноголосье» в поддержку позиции оратора;
- искреннего выражения оценки того или иного факта и ожидания ответного сопереживания от слушателей;
- драматизации изложения, сопоставления всех «за» и «против» при решении поставленного вопроса и т.д.

Публичное общение предполагает также еще одну специфическую форму диалогизации речи – ее полемичность. Различают два вида полемичности: скрытую (внутреннюю) и открытую (внешнюю). Первый вид полемичности проявляется практически во всех речах, поскольку оратору приходится убеждать аудиторию в своей правоте, не называя возможных несогласных слушателей или оппонентов (это особенно важно в предвыборных выступлениях, чтобы не делать рекламы соперникам). Открытая полемичность проявляется тогда, когда оратор, стремясь выразить свои взгляды, опровергает высказывания конкретных оппонентов, цитируя их реальные или воображаемые речи.

Полемичность связана и с другим эффективным приемом диалогизации речи – адресацией информации. В ситуациях, когда необходимо прямое воздействие на адресата (приветствие собравшимся, агитационная речь, митинговая, аргументирующая и т.д.), важно следовать правилу «говорить не им, а с ними», тем самым удовлетворяя потребность слушателей в положительных стимулах во время речи, проявляя к аудитории максимум внимания. Основная часть приемов диалогизации базируется на такой специфической черте ораторской речи, как ее устность. Устная форма речи предполагает более простое построение фраз или деление их на удобные для восприятия на слух смысловые отрезки. Устность речи проявляется и в подчеркнутой разговорности речи, в свойственных ей интонациях, в подборе слов и выражений, в постоянном общении с аудиторией, с обращением к ней, к жизненному опыту находящихся в ней людей и т.д. Кроме того, устный текст – более личностный, в нем ярче проявляется личная позиция самого автора (но еще более ярко – ее отсутствие или сомнения, неуверенность по поводу того, в чем он стремится убедить публику).

Публичной политической речи как специфическому виду политической коммуникации присущи высокая степень общественного воздействия, социально-оценочный характер изложения, а также наличие в ней эмоционального, экспрессивного компонента, призванного влиять на массовую аудиторию, формировать общественное мнение в соответствии с ценностной ориентацией адресанта, и в связи с этим функция воздействия на адресата, важная для данного жанра, обуславливает острую потребность в специальных средствах выражения. Адресат не просто информирует аудиторию, он убеждает, полемизирует, призывает к действию, агитирует и пропагандирует [2, с. 33]. Речь в общественно-политической сфере всегда отражает борьбу за власть, за такое положение в обществе, которое позволяет по-разному (в зависимости от статуса) воздействовать на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы адресата. Политическая речь может рассматриваться как процесс коммуникации, как один из видов социального действия, как само политическое действие. Поскольку политическая речь реализуется как действие, за которым стоят достаточно широкие группы общества (партии, движения, организации), то предполагается и высокая степень ее общественного воздействия. Выступление перед большими группами людей имеет свои системные особенности и осуществляется по определенным правилам. Публичное выступление в целом ориентируется на существующие стандарты и нормы. В то же время известно, что сила речевого воздействия может достигаться как раз в результате нарушения этих норм [3]. Ответственность за речь и за ее последствия повышается, когда реализуется массовое общение. Считается, что массовое общение возникает, когда аудитория превышает 100 человек (формула «один + много»). Оно может быть реализовано в устной речи в ходе выступлений на представительном митинге, съезде и т.д., но чаще всего такого рода общение свойственно СМИ. При массовой коммуникации адресат теряет конкретные очертания, он, как правило, существует в воображении говорящего в обобщенном виде. Соответственно, массовая аудитория требует точного подбора речевых средств.

Публичная политическая речь является специфическим типом текста, занимающим особое место в жанровом разнообразии политической коммуникации. Ее специфика как одной из важных форм современной коммуникации представлена целым рядом структурирующих признаков:

- отчетливо представленная «сопричастность автора» в излагаемом материале;
- социально-оценочный характер изложения;
- чередование экспрессивных и стандартных языковых средств;
- равноправие логических и образных элементов в повествовании;
- широкое введение элементов разговорной речи, которые, как предполагается, будут по-разному преломляться в конкретном авторском тексте.

Современный политический текст публичного выступления часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими текстами, в значительной степени формируется из ранее сделанных высказываний. Однако каждая новая речь – это новое видение, новый взгляд и новая перспектива, но одновременно и новый, по словам В. Шкловского, «монтаж мира», причем не только в части конституирования, но и в части интерпретации. Это способ отношения к миру, это разность морали и разность традиции, поэтому идентичные слова, примененные в различных системах, дают различный результат [3].

С помощью экспрессивных средств политики имеют возможность обогатить свою речь и расширить ее границы. Интертекстуальность как стилеобразующая черта создает вертикальный контекст, усложняющий речевое произведение. По мнению Е.А. Земской: «Порождая двуплановость или многоплановость, «включенный текст» служит целям языковой игры разного рода: способствует поэтизации текста, создает намек, подтекст, рождает загадку, способствует иерархизации смысла, выделению смысловой доминанты» [4, с. 164]. Интертекстуальность улучшает способ передачи мыслей в производимом тексте, способствует его большей эффективности и позволяет, кроме того, донести до реципиента больший объем информации малыми средствами. Несмотря на то, что существует множество подходов к проблеме интертекстуальности, и общей четкой теории интертекстуальности до сих пор нет, во всех определениях прослеживаются инвариантные признаки: интертекстуальность – это маркированная определенными языковыми сигналами «перекличка» текстов, их диалог [5, с. 19].

Поскольку тексты политического дискурса, как и тексты любой другой дискурсивной принадлежности, включают адресата и адресанта, то особое значение приобретает проблема восприятия таких текстов адресатом. Интертекстуальность рассматривается рядом исследователей в рамках рецептивной теории (Р. Барт, Э. Реслер, С. Хольтуис, В. Шмидт, В. Штемпель), когда межтекстовое взаимодействие предстает как особый коммуникативный процесс, при котором автор текста не только намеренно включает в него фрагменты других текстов, но и ожидает, что читатель или слушатель распознает интертекстуальное включение, осознает его как намеренно используемое автором и как важное для понимания текста.

В этой связи для автора текста особую важность имеет вопрос маркирования интертекстуальных включений, поскольку это свойство «чужого» слова напрямую влияет на успешность декодирования заложенного в нем имплицитного смысла. При этом в ряде случаев адресант может намеренно использовать неатрибутированные интертекстуализмы, рассчитывая на определенный уровень компетенции реципиента и наличие фоновых знаний, характерных определенному социуму или культурной общности. Интертекстуальность успешна, если фоновые знания аудитории пересекаются с фоновыми знаниями адресанта. Тогда и возникает эффект узнавания закодированного смысла. В противном случае происходит коммуникативная неудача. Иными словами, тексты, на которые ведется отсылка посредством цитаты или аллюзии, должны быть хорошо известными целевой аудитории, так как язык массовой коммуникации ориентирован на массовое сознание.

Включение политическими деятелями выражений из чужих текстов в собственных речах стало характерной чертой современной политической коммуникации. Такой яркий способ выражения экспрессии не замедлил привлечь внимание исследователей. Некоторые увидели в описываемом явлении развитие старого приема трансформации цитаты: «Структурно или семантически преобразуя известное устойчивое речение, добавляя к нему новые смысловые, стилистические или экспрессивные оттенки, автор соотносит его прямое и обновленное значение, побуждая тем самым адресата к активной мыслительной деятельности. Ассоциативные нити, возникающие при этом у адресата, связывают преобразованную цитату с ее общеизвестным источником и создают яркий экспрессивно-стилистический эффект» [3, с. 80 – 90].

Одним из основных средств, к которым политические деятели прибегают в ходе своих публичных выступлений, является аллюзия. Она представляет собой заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация. В американских публичных политических речах данный прием служит средством построения интертекста, представляющего собой свернутую информацию, полученную из текстов-источников. Взятая из претекста аллюзивная единица вновь возвращается в текст, но уже обогащенная дополнительными смыслами, параллелями, новым содержанием, которые в каждом новом случае не только различны по объему, но и абсолютно индивидуальны. Таким образом, с помощью аллюзии происходит извлечение дополнительной информации из уже известного образа – прецедентного имени, ситуации или текста. Заимствованные элементы при этом организованы таким образом, что они являются узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста.

Выделяется ряд отличительных черт аллюзивного процесса:

- аллюзия как вид скрытого смысла является средством передачи не только имплицитного содержания высказывания, но и «чужого слова», что требует от читателя знания прецедентных текстов (в отличие от аллюзии другие виды скрытого смысла: импликация, пресуппозиция, подтекст и т.д. – базируются не на знании прецедентного текста, а на знании природных и общественных закономерностей, ситуации или предшествующего контекста);

- аллюзия может не только представлять собой информативные элементы, заимствованные из прецедентных письменных текстов, но и способна подключать к передаче смысла текста другие семиотические системы: живопись, историю, мифы, музыку, архитектурные ансамбли и т.д.;

- аллюзия предполагает выход за пространственно-временные рамки данного текста, что не является характерным для других видов скрытого смысла.

Текстовая аллюзия отличается тем, что элементы претекста (т.е. предшествующего текста, к которому в данном тексте содержится отсылка) заимствуются выборочно, а целое высказывание или строка тек-

ста-донора соотносимые с новым текстом присутствуют в последнем как бы «за текстом», только имплицитно. В рассматриваемом тексте они оказываются рассредоточенными и не представляющими целостного высказывания, или же данными в неявном виде. Следует отметить, что неявность часто рассматривается как определяющее свойство аллюзии, и поэтому имеется тенденция к использованию этого термина лишь в том случае, если для понимания аллюзии необходимы некоторые усилия и наличие особых знаний.

Различают аллюзии с атрибуцией и без атрибуции. Атрибутированные аллюзии не могут быть широко распространены, если принять во внимание внутреннюю форму слова *аллюзия* (от фр. *allusion* – «намеки»). Тем не менее в публичных политических речах часто распространены именные аллюзии, то есть те, в которых указаны имена собственные. Такие аллюзии обладают повышенной узнаваемостью даже без указания на текст-источник. Одно лишь упоминание имени собственного *Jim Crow* (*Джим Кроу*) несет в себе свернутую информацию о расовой сегрегации и неписаных законах Джима Кроу, уничтожавших права чернокожих американцев: *“Think of the civil rights heroes and foot soldiers who marched, protested, and risked their lives to bring about the end of segregation and Jim Crow”*¹ [6]. Своему названию законы обязаны песенке «Прыгай, Джим Кроу», спетой в 1865 году Томасом Райсом, эмигрантом из Англии, исполнявшим её с вымазанным жжёной пробкой лицом.

В речи, посвященной проблеме рабства и расовой дискриминации, Барак Обама проводит аналогию истории поработанного негритянского народа с библейскими историями. Из следующего примера видим, как Обама упоминает сразу несколько историй: ветхозаветную историю Давида и Голиафа; историю Моисея и фараона; существовавший в Древнем Риме в I – III веках после Рождества Христова страшный вид смертной казни – растерзание дикими животными (часто львами), который применялся преимущественно для расправы с ранними христианами; здесь и история о видении ветхозаветному пророку Иезекиилю поля, покрытого сухими костями, которым Дух Божий дал новую жизнь. Конкретных примеров из жизни поработанного негритянского народа Барак Обама не приводит в данном высказывании, но можно догадаться об истории беглой негритянки, американской аболиционистки и борца против рабства в США Гарриет Табмен (Harriet Tubman). Гарриет была одной из самых известных специальных «проводников» беглых рабов, которая в 1850-х годах лично освободила более 300 рабов, воодушевив на бегство тысячи, и которую называли «черным Моисеем» в честь библейского пророка: *“At the foot of that cross, inside the thousands of churches across the city, I imagined the stories of ordinary black people merging with the stories of David and Goliath, Moses and Pharaoh, the Christians in the lion’s den, Ezekiel’s field of dry bones”*² [7].

Чаще приходится иметь дело с неатрибутированной аллюзией, главной функцией которой является открытие нового в старом, что требует усилий со стороны читателя или слушателя. Основу генерирования смысла в этом случае составляет переключение из одного текста в другой. Такое построение, прежде всего, обостряет момент игры в тексте: с позиции другого способа кодирования текст приобретает черты повышенной условности, подчеркивается его игровой характер [8, с. 111]. Примеры с аллюзией на повесть Джека Лондона «Зов предков» ярко иллюстрируют нам практическое воплощение теории социал-дарвинизма, элементами которой пользуются, например, сторонники милитаризма: *“Across the generations we have proclaimed the imperative of self-government, because no one is fit to be a master, and no one deserves to be a slave. Advancing these ideals is the mission that created our Nation. It is the honorable achievement of our fathers. Now it is the urgent requirement of our nation’s security, and the calling of our time”*³ [9]. Стремление навязать другим демократию по-американски любым путем и любыми средствами Билл Клинтон и Джордж Буш младший называют «зовом нашего времени». И все же это больше похоже на «зов предков», о котором говорит Джек Лондон в своей повести, похоже на «первобытный закон жизни». Следующие строки из повести еще больше приближают именно к этой мысли: *«Милосердия первобытные существа не знали. Они его принимали за трусость. Милосердие влекло за собой смерть. Убивай или будешь убит, ешь или тебя съедят – таков первобытный закон жизни»*. А поскольку в природе господствует закон необходимости, то все становится допустимым, если это необходимо для выживания и самосохранения. По естественным законам допустимо любое преступление, любое зло. Похоже, что именно так и поступали Билл Клинтон, а затем и Джордж Буш, оправдывая военные действия в Ираке. Похоже, именно этот зов слышался им и именно на этот зов стремились ответить они. Показательно и то, что в своем выступлении Билл Клинтон даже воспользовался словами из повести Джека Лондона: *“From this*

¹ «Подумайте о борцах за гражданские права и о рядовых трудящихся, которые выступали с протестом и рисковали жизнью, чтобы покончить с расовой сегрегацией и Джимом Кроу».

² «У подножия креста в стенах тысяч церквей по всему городу я представлял себе истории обычных черных людей объединенных историями Давида и Голиафа, Моисея и фараона, христиан, брошенных во рвы со львами, Иезекииля и поля покрытого сухими костями».

³ «Сквозь поколения мы провозглашали повеление всем остальным государствам создать самоуправление, потому что никто не годится быть господином, и никто не заслуживает быть рабом. Продвижение этих идей – это та миссия, которую породила наша страна. Теперь это необходимое требование нашей национальной безопасности и это зов нашего времени».

joyful mountaintop of celebration, we hear a call to service in the valley. We have heard the trumpets. We have changed the guard. And now, each in our way, and with God's help, we must answer the call”⁴ [10].

Барак Обама также приводит английскую версию латинского выражения *E Pluribus Unum* (Out of many, we are one – «В многообразии едины»), являющегося национальным девизом Соединенных Штатов Америки, начертанным на гербе США и отражающим единство нации при многообразии политических взглядов, экономических условий и идеологических воззрений. Это относится к интеграции 13 независимых колоний в одно объединенное государство. Выражение приобрело дополнительный смысл из-за разнородности американского общества, образовавшейся в результате иммиграции: “*But it is a story that has seared into my genetic makeup the idea that this nation is more than the sum of its parts – that out of many, we are truly one*”⁵ [7].

Встречаются также примеры, в которых адресант ссылается одновременно на разные источники, что позволяет «свернуть» информацию из претекста и позволяет малыми средствами донести до реципиента большой объем информации: «*Sunday has not yet come to New Orleans, but you can see it ahead*»⁶ [11]. Так, Джордж Буш, говоря о «воскресении, которое еще не пришло в Новый Орлеан», не имеет в виду день недели, но в виде неатрибутированной аллюзии на «воскресение из мертвых» (Resurrection from the dead) отсылает нас к библейскому пониманию смысла сказанного. В то же время именная аллюзия (Новый Орлеан) позволяет догадаться о том, что речь идет о последствиях трагедии, связанной с наводнением из-за урагана «Катрина», о будущем восстановлении и обновлении разрушенного города.

Возможностью нести аллюзивный смысл обладают элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического, метрического уровней организации текста; целям выражения этого смысла могут служить также орфография и пунктуация. Следующий пример иллюстрирует, что способностью нести аллюзивный смысл обладают и даты, введенные в текст: “*We the people, in order to form a more perfect union ...*» – 221 years ago, in a hall that still stands across the street, a group of men gathered and, with these simple words, launched America's improbable experiment in democracy”⁷ [7].

В данном примере слова преамбулы “*We the people*” («*Мы – народ*») не только отсылают нас к Конституции США, но и указывают на дату. Речь была произнесена Бараком Обамой в 2008 году, т.е. через 221 год после принятия Конституции.

Как показал анализ аутентичных текстов публичных речей политических лидеров США, интертекстуальность в текстах выступлений представлена довольно широко, так как политическая речь в значительной степени формируется из ранее сделанных высказываний [12, с. 86]. Оратор апеллирует к уже написанному или произнесенному, примыкает или конфронтирует с определенной политической традицией, использует различные средства для выражения оценочных определений. Американские ораторы преднамеренно аллюзивно ссылаются на предшествующий текст, вызывая у адресата желаемые ассоциации, направленные на выявление связи двух контекстов, которая ведет как к обогащению содержания нового текста, так и к изменению объема значения самой аллюзии. В результате происходит переключение с одного текста на другой, что и составляет основу генерирования смысла [8, с. 111]. Так, аллюзия «сворачивает» информацию, полученную из претекста, и с ее помощью реализуется скрытый смысл. Данный прием представляет яркую особенность реализации категории интертекстуальности в общей канве текстоформирования.

Результат анализа публичных речей политических лидеров США показал, что формы и приемы использования интертекстуальных включений в контексте выступлений не слишком разнообразны. Анализ текстов речей не выявляет обилия скрытых аллюзий, тонких намеков, остроумной языковой игры. Политические лидеры США главным образом ссылаются на общественно значимые прецедентные тексты, такие как Декларация независимости, Конституция США и Библия, через которые актуализируется апелляция к общенациональным ценностям и эмоциональной сфере человека. Тексты речей отличаются большим количеством ссылок на законы, законопроекты, акты, социальные программы, соглашения и другие официальные документы, что свойственно именно институциональному типу дискурса. Политики оперируют в своих речах высказываниями американских президентов-предшественников и отцов-основателей, следуя устойчивым традициям, связанным с функционированием института президентства в Америке, подкрепляют свои доводы ссылками на слова известных религиозных деятелей. Президенты и кандидаты на пост президента часто прибегают к приему пересказа различных историй из жизни рядовых американцев, цитированию слов, рассказанных или написанных гражданами страны. Политик, демонстрируя доступность и

⁴ «С вершины этого радостного торжества мы слышим зов к служению в долине. Мы услышали звук трубы. Мы сменили караул. И теперь, с помощью Божьей, мы должны ответить на этот зов».

⁵ «Но это история, которая внедрилась в мое генетическое сознание, идея о том, что этот народ есть нечто большее, чем лишь сумма ее составляющих, что хоть нас и много, мы, в самом деле, есть одно целое».

⁶ «Воскресение еще не пришло в Новый Орлеан, но вы уже видите его впереди».

⁷ «*Мы – народ*, в целях создания более совершенного Союза ...» – 221 год назад, в зале, который все так же находится по другую сторону улицы, собралась группа людей и этими простыми словами положила начало невероятного эксперимента демократии в Америке».

близость к народу, проявляя интерес к жизни своих граждан, стремится завоевать доверие избирателей. Показательной и не менее значимой особенностью текстов публичных речей политических лидеров США является крайне низкая частотность ссылок на литературные источники, то есть почти полное отсутствие апелляции к интеллектуальной сфере человека, что можно объяснить неготовностью общей массы американского народа интерпретировать прецедентные литературные тексты, имена и события.

Интертекстуальные связи главным образом реализуются через аллюзию и цитату, которые служат для прямой и завуалированной передачи мыслей, интенций и оценки автора текста и численно намного превышают другие средства выражения интертекстуальности, такие как: косвенная речь, пересказ, парфраз, афоризм и другие. По количеству примеров она превышает все виды средств выражения интертекстуальности. Выборка интертекстуальных включений в проведенном исследовании содержит 221 аллюзию, что составляет 58,3% от общего количества примеров [12, с. 87].

ЛИТЕРАТУРА

1. Паршин, П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П.Б. Паршин // Проблемы прикладной лингвистики – Scripta linguisticae applicatae. – М., 2002. – С. 181 – 208.
2. Стюфляева, М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – 176 с.
3. Юдина, Т.В. Дискурсивное пространство политической речи / Т.В. Юдина // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russcomm.ru/rca_biblio/yy/yudina.shtml.
4. Земская, Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е.А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т. Г. Винокур. – М., 1996. – С. 157 – 168.
5. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / И.В. Арнольд; науч. ред. Г.Е. Бухаркин. – СПб.: Изд-во С-Петербург. ун-та, 1999. – 444 с.
6. Hillary Clinton's remarks on Tuesday June 3, after her opponent Sen. Barack Obama won the 2,118 delegates necessary to clinch Democratic presidential nomination [Electronic resource]. – June 3. – 2008. – Mode of access: <http://www.cnn.com/2008/POLITICS/06/03/hillary.clinton.speech>.
7. Barack Obama's Speech on Race // National Public Radio [Electronic resource]. – March 18. – 2008. – Mode of access: <http://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=88478467>.
8. Лотман, Ю.М. Избранные статьи / Ю.М. Лотман. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1. – 450 с.
9. President George W. Bush's Second Inaugural Address // The White House [Electronic resource]. – January 20. – 2005. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/inaugural/>.
10. Bill Clinton's Inaugural Addresses of the Presidents of the United States [Electronic resource]. – January 21. – 1993. – Mode of access: <http://bartleby.com/124/pres64.html> Bartleby.com – Date of access: 17.11.2008.
11. President and Mrs. Bush Visit New Orleans High School, Discuss Gulf Coast Recovery // Warren Easton Senior High School New Orleans, Louisiana [Electronic resource]. – August 29. – 2006. – Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2006/08/20060829-2.html>.
12. Ярошевич, И.С. Реализация категории интертекстуальности в публичных речах политических деятелей США / И.С. Ярошевич // Магистерская диссертация на соискание степени магистра филологических наук. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2009. – 86 с.

Поступила 06.07.2012

ALLUSION AS ONE OF THE MEANS OF ACTUALIZATION OF INTERTEXTUALITY IN THE TEXTS OF PUBLIC POLITICAL SPEECHES

I. YAROSHEVICH

The author reveals the specific role of allusion as one of the most frequently used means of actualization of intertextuality in political communication. Use of authentic texts of public speeches of the American political leaders enabled to analyze this multipurpose and many-sided phenomenon. Allusion as a type of intertextual communication represents deliberate use of a particular element of pretext with the purpose of eliciting proper associations which reveal the connection of two contexts. This leads to enrichment of the new text context as well as to the change of the extent of allusion meaning. The original text is present as much as "behind the text". Because allusion as one of the means of intertext building represents compressed information that is received from the pretexts it is one of the ways of underlined sense realization.